

Социальное государство и хорошее общество

© 2019 г. В.Г. Федотова

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

E-mail: val_fedotova@mail.ru

Поступила 05.04.2019

Социальные государства представляют собой особый, исторически определенный тип государственных образований, реализованный западным капиталистическим обществом в индустриальную эпоху. Первоначально предполагалось, что, этот тип государств позволит поддерживать классовый мир, обеспечит социальную солидарность различных слоев общества и создаст условия для взаимной ответственности государства, бизнеса, профсоюзов и гражданского общества за развитие социальной сферы, за благополучие, достоинство, процветание граждан. Социальное государство фактически было инновацией Запада, направленной на преодоление, с одной стороны, недостатков капитализма в сфере обеспечения социальной справедливости, а с другой стороны, недостатков социализма в сфере предоставления свободы. Сегодня, социальное государство представляется как этап на пути достижения «хорошего общества», предполагающего наиболее благоприятную среду обитания людей. Тема «хорошего общества» возникает и обсуждается ныне как попытка (теоретическая, эмпирическая и нормативная) сконструировать социум на основе конвергенции лучших черт, присущих самым разным общественным системам. Идеи «хорошего общества» выражают, по своей сути, объективную потребность современного общества в восстановлении ценностей и социального порядка, единства права и блага, свободы и блага, индивидуальных и общественных благ.

Ключевые слова: социальное государство, модели социального государства, капитализм, хорошее общество, Россия.

DOI: 10.31857/S004287440007344-3

Цитирование: *Федотова В.Г.* Социальное государство и хорошее общество // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 5–10.

Welfare State and the Good Society

© 2019 г. Valentina G. Fedotova

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow,
109240, Russian Federation*

E-mail: val_fedotova@mail.ru

Received 05.04.2019

Welfare states are a special, historically defined type of state formations realized by Western capitalist society in the industrial era. Initially, it was assumed that this type of state would support the class world, ensure social solidarity of various sectors of society and create conditions for the mutual responsibility of the state, business, trade unions and civil society for the development of the social sphere, for the well-being, dignity, and prosperity of citizens. The welfare state was, in fact, an innovation of West aimed at overcoming, on the one hand, the weakness of capitalism in the field of ensuring social justice, and on the other hand, the weakness of socialism in the field of freedom. Today, the welfare state is presented as a stage on the path to achieving a “good society”, which implies the most favorable human environment. The theme of “good society” arises and is now being discussed as an attempt (theoretical, empirical and normative) to construct a society based on the convergence of the best features inherent in a wide variety of social systems. The ideas of a “good society” express, in essence, the objective need of modern society to restore values and social order, the unity of law and good, freedom and good, individual and public goods.

Key words: welfare state, welfare state regimes, capitalism, the good society, Russia.

DOI: 10.31857/S004287440007344-3

Citation: Fedotova, Valentina G. (2019) ‘Welfare State and the Good Society’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2019), pp. 5–10.

В 1990-е гг. датский ученый К. Эспинг-Андерсон описал и проанализировал три типа социального государства, которые начали складываться в 1950-е гг.: либеральное, консервативное и социал-демократическое [Esping-Andersen 1990]. Он попытался также ответить на вопрос о причинах выбора модели социального государства различными странами. В англосаксонских странах, где левые силы были слабы, возникли либеральные модели. Сильные христианско-демократические партии привели к консервативной модели социального государства. А развитые партии левого крыла в северных странах создали социал-демократические государства. До середины XX в. контуры европейских либеральных социальных государств возникали в странах, где ведущее место занимала потребность в социальных правах. Позднее либеральные государства всеобщего благосостояния поддерживали высокую степень коммодификации — большое число различных видов человеческой деятельности становилось в них товаром, подобным рыночному, личные отношения заменялись экономическими.

Консервативное или корпоративное социальное государство возникло в Германии. Крупные общественные деятели — Ф. Лист, А. Вагнер, Г. Шмоллер, признавая эффективность рынка, отстаивали идею контроля над хаосом рынка и предотвращения протестов рабочих. Лист обосновал идеи национальной германской политической экономики, противоречащие интернационализму глобализации последней трети XIX в. По предложению Вагнера были приняты законы о страховании рабочих. Шмоллер и Вагнер были

государственными социалистами, считавшими необходимым вмешательство государства в экономику. Корпоративные режимы находились под влиянием церкви и следовали ее идеям сохранения традиционных ценностей и семьи. Социал-демократический тип социального государства предполагал экономическую социализацию, расширяющую социальную программу поддержки не только рабочих, но и среднего класса. Этот подход основан на парламентской политике, способствующей благосостоянию работников и ориентированной на де-коммодификацию. Предполагалось, что социал-демократы способны реализовать эту программу. В таком социальном государстве благосостояние рабочих было повышено до уровня среднего класса, и их права соответствовали правам среднего класса. Все социальные слои в рамках социал-демократии были охвачены универсальной системой страхования. Описывая эти типы социального государства, Эспинг-Андерсон замечает, что им выделены идеально-типические модели, которых на деле в чистом виде не существует, поскольку они заимствуют элементы друг друга. Так, США, имевшие преобладающе либеральную модель, являлась редистрибутивной в отношении чрезвычайно бедных, а Новый курс Ф.Д. Рузвельта был социал-демократическим. Европейские же консервативные режимы усвоили черты как либеральных, так и социал-демократических моделей. Это достаточно очевидным образом формирует новые черты капитализма и разделение общественных и государственных задач в обществе.

Российский либерализм 1990-х, а нередко и сегодняшний, слабо определен в отношении своей политической платформы. Статус Российского государства как социального закреплен в нашей Конституции как государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Во второй части 7 статьи Конституции РФ говорится, что в РФ «охраняется труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты». Но это определение не дает понять, в системе какой политической идеологии формулируется данная характеристика государства. Между тем, существуют большие различия в трактовке социального государства, обусловленные политическим мировоззрением. В частности, Эспинг-Андерсен уже в начале 2000-х гг., фактически, отождествляет социальное государство и «хорошее общество». Социальное государство содержит признаки, которые можно характеризовать по совокупности их черт как «хорошее общество», т.е. как приемлемое для жизни. Однако, на наш взгляд, социальное государство — это этап на пути движения к «хорошему обществу», поскольку хорошее общество создает наиболее благоприятную среду жизни, и эта среда может совершенствоваться.

Проследим кратко историю самой идеи «хорошего общества». В 1937 г. американец У. Липпман написал книгу «Хорошее общество» [Lippman 1938], в которой пытался оспорить неизбежность выбора между безопасностью и свободой, коллективизмом и свободой, который в тот момент делали основные политические силы. Установление социального порядка, по его мнению, не заключается в выборе одной из этих альтернатив. Липпман полагал, что в режиме персональной свободы каждая нация может сформировать «популярный суверенитет» (власть народа) и создать для себя тщательно спланированный и умный социальный порядок, который и будет характеризовать общество как хорошее. В связи с разработкой идеи «хорошего общества» и критикой сложившейся реальности Липпманом были введены понятия «холодная война», «общественное мнение», «стереотип», «национальная безопасность», «национальные интересы». Эти новые термины свидетельствовали о наличии нового типа опасностей, порожденных противостоянием свободы и коллективизма. И в противовес этому Липпман трактовал «хорошее общество», прежде всего как такое, в котором обеспечиваются базовые права и свободы, а также заботятся о некотором общем благе (безопасности, защите окружающей среды, противодействии милитаризму и пр.). При этом Липпман не связывал «хорошее общество» с социальным государством, так как последнее тогда еще только начало формироваться под влиянием Рузвельта.

Вновь к термину «хорошее общество» исследователи и идеологи обратились после появления книги Дж. Гэлбрейта в 1996 г. [Galbraith 1996]. «Хорошее общество» означает у него гуманное общество, характеризующее Гэлбрейт ввел такой концепт как «качество жизни», совпадающий с «возможностью прожить стоящую жизнь». Это не было в полной мере продолжением и развитием концепции Липпмана. Гэлбрейт волнует, прежде всего, конкретный вопрос, почему США — не лучшее общество и как оно может быть улучшено? Ответ на этот вопрос и был целью его книги. Самым сложным здесь, по его мнению, является различие между «совершенным» и «достижимым», ибо хорошее общество — это именно достижимое общество. Гэлбрейт считает совершенные общества утопичными и не отражающим тех препятствий, которые связаны с человеческой природой, политико-правовыми, историческими, экономическими и прочими ограничениями. «Хорошее общество» достаточно противоречиво, но, вместе с тем, есть такие признаки хорошего общества, которые обязательны: в нем личные свободы сочетаются с экономическим благосостоянием, возможностью ведения достойной жизни, расовым и этническим равенством. Гэлбрейт склонен к либеральному толкованию «хорошего общества».

Следующим шагом в разработке идеи хорошего общества была книга А. Этциони 2001 г. «Будущее: путь к хорошему обществу» [Etzioni 2001], где он утверждал, что в «хорошем обществе» люди не средства, а конечные цели. Люди связаны сетями привязанностей и обязательств и не являются просто наемными работниками, продавцами или гражданами. В другой своей книге «От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям» А. Этциони также обращается к теме хорошего общества [Etzioni 2004, 20–22]. Здесь он придерживается коммунитаристского подхода и выделяет три наиболее существенных признака «хорошего общества». «Хорошее общество» это, во-первых, общество, в котором есть четкий баланс между автономией и социальным порядком. Автономия — это индивидуальные права, демократическая форма правления и свободные рынки, а социальный порядок — формы силового контроля со стороны правительства. При этом он различает формы «жесткой и мягкой силы» власти. «Хорошее общество», согласно Этциони, это то общество, которое дает преимущество мягкой силе. Во-вторых, хорошее общество, это общество, в котором по-новому реализуется баланс между автономией и порядком. Чтобы сохранить этот баланс, необходимо постоянно отслеживать соотношение между автономией и порядком в контексте социально-культурных изменений. И в-третьих, чем больше социальный порядок основывается на моральном убеждении и неформальном социальном контроле и чем меньше на государственном, тем ближе общество к тому, чтобы его можно было бы назвать хорошим.

В 2005 г. вышла книга «Хорошее общество», где рассматривались, прежде всего, ценностные изменения общества на Западе и в России — предпосылки и препятствия для цивилизованного капитализма, ценности и теории модернизации, соотношение модернизации и глобализации и альтернативы российского общества [Федотова 2005]. Работа посвящена социальным изменениям и поискам альтернатив, которые могли бы реально улучшить жизнь людей в обществе, обеспечить социальное конструирование реальности в условиях стабильности и в кризисные периоды. В монографии показано, что концепт «хорошее общество» объединяет объективные и субъективные представления об обществе, а также нормативный и теоретический смыслы. Эти подходы дают некоторую возможность преодолеть кажущийся очевидным моральный релятивизм оценки общества в качестве хорошего и ввести социальное, моральное и теоретическое ограничение в многообразии его трактовок. Эти аспекты темы хорошего общества важно подчеркнуть, поскольку именно глубокое разочарование в монистических моделях общества привело к появлению в западной литературе темы «хорошего общества». Отсутствие единой модели для локального развития ведет к попыткам обозначить те приемлемые черты общества, которые могут стать образцами для других. Тема «хорошего общества» возникает как теоретическая, эмпирическая и нормативная попытка «сконструировать» социум на основе конвергенции лучших черт, присущих разным обществам. Она имеет значение в связи с исчерпанием

доверия к радикальным проектам, будь они неолиберальные, коммунистические или какие-либо еще. Попытка перейти от концепций идеального общества к идее хорошего общества возникла первоначально на Западе и соответствовала идеалам общества благоденствия. Постепенно покидая эти рамки, она была высоко оценена западной научной элитой как провоцирующая размышления о перспективе общественной жизни.

Реальный источник термина «хорошее общество» — эмпирический, он построен во многом в пику теоретическим представлениям. В нем фиксируется все то позитивное, что есть в разных обществах: права человека, включая экономические, соединение свободы со справедливостью и благом, высокий уровень благосостояния, приемлемый социальный порядок и пр. «Хорошее общество» никогда не становилось предметом всеобъемлющего интереса со стороны исследователей, как это происходило, например, с модернизацией, политической культурой, глобализацией, гражданством и пр. Скорее, внимание к этой теме пробивается через другие сюжеты, когда общество пытаются улучшить. Этот интерес стимулируется дискуссиями о капитализме и его будущем (см.: [Федотова, Колпаков, Федотова 2011]), экономическими кризисами, трудностями социал-демократии, демографическими проблемами и др. В нынешнем российском обществе тема «хорошего общества» становится привлекательной.

Обращение к изучению социального государства являлось долгое время преимущественно европейской традицией, в то время как американские исследователи предпочитали говорить о хорошем обществе. Это можно объяснить тем, что в США государство играло меньшую роль, чем в Европе в силу большей приверженности либеральным ценностям, а это вело к тому, что довольно абстрактная категория хорошего общества могла занять значительные позиции. В последние двадцать лет европейцы стали более часто использовать понятие хорошего общества. И это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в Европе произошел неолиберальный поворот, сделавший понятными американские размышления о хорошем обществе. Вместе с тем, представители социал-демократической модели социального государства — исследователи из скандинавских стран — гордятся своим социальным государством и используют эти понятия одновременно с понятием хорошего общества. В работе «Хорошее общество: сравнительное исследование Дании и Швейцарии» авторы обращаются к Аристотелю, который показал, что это — такое общество, которое дает возможность его членам иметь хорошую жизнь. Хорошая жизнь в свою очередь интерпретируется ими как сочетание высокого дохода и ощущения счастья [Christoffersen et al 2014, 1]. Одна из недавних книг «В поисках хорошего общества: любовь, надежда и искусство как политическая экономия» написана австралийским автором М. Макинтошем. Он выделяет следующие ключевые компоненты хорошего общества: социальное обеспечение и здравоохранение, образование, равные возможности и наличие социальной мобильности. Эти компоненты представляют собой фундаментальные гражданские права. По его мнению, хорошее общество не является утопией, а имеет реальные воплощения, связанные с здоровой жизнью в хорошей безопасной среде с высоким уровнем социальной помощи, благосостояния, социально справедливой экономикой, а также с возможностями «встречаться, общаться и выражать себя в разнообразных артистических формах» [McIntosh 2018, 15]. Американский профессор Л. Кенуорти в своем толковании «хорошего общества» пытается эмпирически ответить на вопрос, какие институты и стратегии создают «процветающее, динамическое, открытое и инклюзивное общество» [Kenworthy 2017 web]. Одна из самых новых книг о хорошем обществе написана американским физиком и социологом из Йельского университета Н. Кристакисом «Проект: эволюционные истоки хорошего общества» [Christakis 2019]. В этой работе автор интегрирует биологический и социальный подходы к эволюции и общественному устройству. По его мнению, биологические характеристики человека, среди которых жестокость, склонность к агрессии и преследованию собственных интересов, долгое время считались препятствием на пути построения хорошего общества. Однако в результате естественного отбора также формируются и позитивные для общественной жизни свойства — например, способность к кооперации и согласованному действию. Он показывает, что

социокультурная и генетическая эволюция взаимосвязаны. Хорошее общество, делает вывод автор, отвечает биологической задаче выживания человечества.

Понятие «хорошее общество» становится, таким образом, расширяющейся рамкой социального государства, а социальное государство — одной из форм хорошего общества.

Источники — Primary Sources

Lippman, Walter (1938) *The Good Society*, Little, Brown and Company, Boston.

Ссылки — References in Russian

Федотова 2005 — Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-традиция, 2005.

Федотова, Колпаков, Федотова 2011 — Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Меняющаяся социальность: будущее капитализма // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 3–15.

References

Christakis, Nicholas A. (2019) *Blueprint: The Evolutionary Origins of a Good Society*, Little, Brown Spark, New York.

Christoffersen, Henrik et al (2014) *The Good Society: A Comparative Study of Denmark and Switzerland*, L.: Springer, New York.

Esping-Andersen, Gosta (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Princeton University Press, Princeton.

Etzioni, Amitai (2001) *Next: the Road to the Good Society*, Basic Books, New York.

Etzioni, Amitai (2004) *From Empire to Community. A New Approach to International Relations*, Palgrave Macmillan, New York.

Fedotova, Valentina G. (2005) *Good society*, Progress-traditsiya, Moscow (in Russian).

Fedotova, Valentina G., Kolpakov, Vladimir A., Fedotova, Nadezhda N. (2011) ‘Changing sociality: the future of capitalism’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2011), pp. 3–15 (in Russian).

Galbraith, John K. (1996) *The Good Society: The Humane Agenda*, Houghton Mifflin Company, Boston, New York.

Kenworthy, Lane (2017) web — *The Good Society* // lanekenworthy.net.

McIntosh, Malcolm (2018) *In Search of the Good Society: An Essay on Love, Hope and Art as Political Economy*, Routledge, New York.

Сведения об авторе

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

Author’s information

FEDOTOVA Valentina G. — DSc in Philosophy, Professor, Principal Research Fellow, Sector of Social Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.